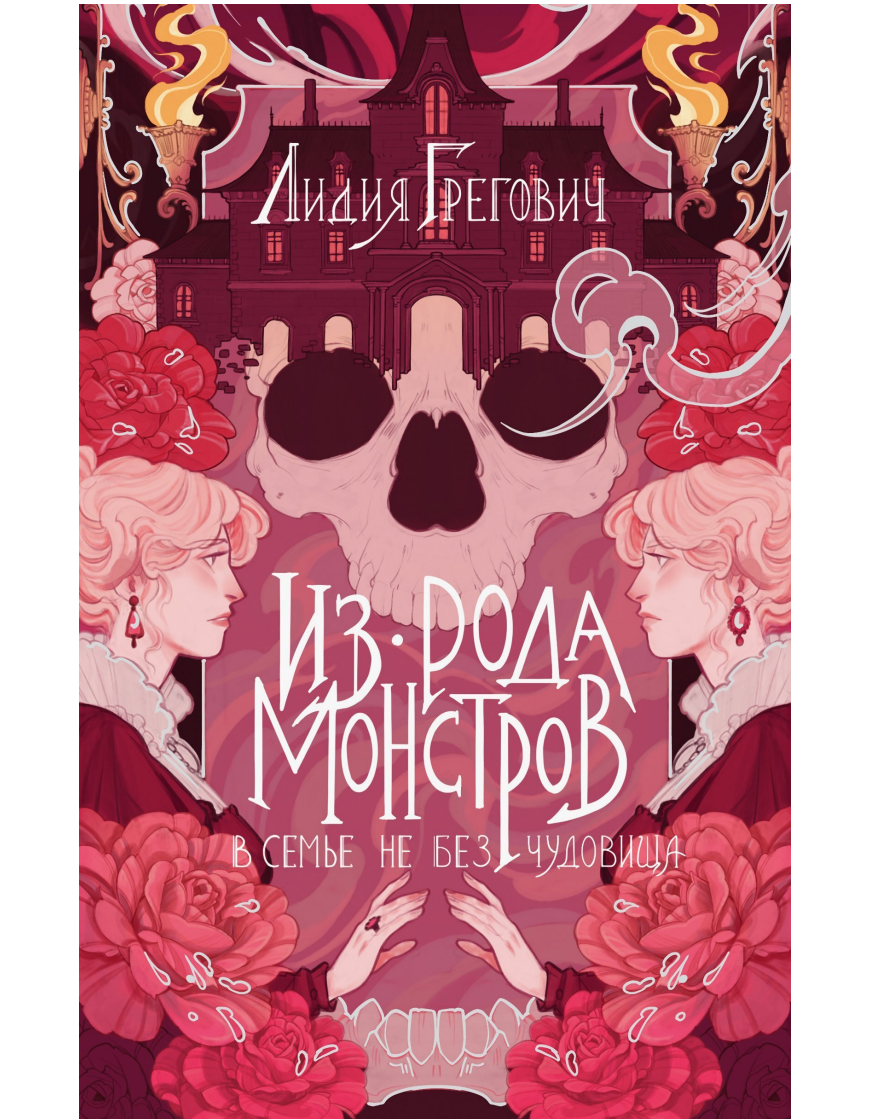

Лидия ГРЕГОВИЧ

ИЗ РОДА
МОНСТРОВ

В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ ЧУДОВИЩА

Лидия Грегovich

Из рода монстров

Серия «Злые легенды»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74276801

Л. Грегovich. Из рода монстров: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;

2026

ISBN 978-5-04-251585-9

Аннотация

Мэррик Дарлинг повезло в жизни. Она – дочь одного из двенадцати Мэнор-Лордов, хранящих земли Англии. Она невосприимчива к зловещему туману, пришедшему с Серых Земель, и никогда не станет чудовищным Фантомом. Пока костры сдерживают монстров, она в безопасности.

После внезапной смерти отца Мэррик вынуждена оставить беззаботную жизнь в Лондоне и вернуться в дом своего детства, к сестре Эсси. Здесь она сталкивается с правдой, которая была сокрыта от нее пеленой светских развлечений: Мэноры не справляются. Туман сгущается, костры не горят, семья погрязла в расправах.

Когда Эсси пропадает, становится ясно, что Мэррик нуждается в помощи. Вот только кому она может доверять? Мэррик уверена, что Фантомы – не единственные монстры на этих землях.

В ряды Мэнор-рожденных затесался предатель.

Содержание

Путеводитель по Мэнорам Дыма	5
Часть I. Истории о призраках	10
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лидия Грегович

Из рода монстров

Lydia Gregovic

The Monstrous Kind

© 2024 by Lydia Gregovic, LLC

© Н. Мерчик, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается Невенке и Джсене, которые первыми поверили в меня, а также Милану и Мерлину, которые подарили мне мою историю.

Путеводитель по Мэнорам Дыма

Сэвэджеры

Сэвэджеры правят непокорным севером, и лучше не пересекать им дорогу: столь же дикие, как и земля, на которой они обитают, Сэвэджеры славятся злопамятностью, которая столь же глубока, как и архивы в подземельях их мрачного замка Маунт.

Мэнор-Лорд: Ворден Сэвэджер.

Правят Каэлом.

Баллантайны

Обитающие между непредсказуемыми Сэвэджерами и кровожадными Варчайлдами, Мэнор-рождённые из рода Баллантайн вынуждены постоянно быть настороже. Но не расслабляйтесь – как всякий загнанный в угол зверь, они кусаются, стоит им пригрозить.

Мэнор-Лорд: Гиацинт Баллантайн.

Правят Умбралэндом.

Варчайлды

В схватках им нет равных. Варчайлды яростно охраняют свою провинцию, как того требует их имя¹. Однако под пред-

¹ В переводе с английского Warchild – дети войны.

водительством юного лорда Персиваля они заменили мечи сатином и переместились с поля битвы в бальную залу.

Мэнор-Лорд: Персиваль Варчайлд.

Правят Рочестером.

Ваннетты

Все высоко ценят непоколебимых и верных Ваннеттов. Однако пока они помогают своим многочисленным друзьям подниматься по социальной лестнице, сами они частенько остаются на её нижних ступеньках.

Мэнор-Лорд: Коринф Ваннетт.

Правят Хитертоном.

Сэйнты

Провинциалов Сэйнтов, владеющих сельскими территориями Кардиффа, часто обходят вниманием их городские коллеги. Однако когда оставляешь Мэнор в тени надолго, рискуешь, ведь неизвестно, что творится там, в темноте.

Мэнор-Лорд: Йанте Сэйнт.

Правят Кардиффом.

Кэшмары

В Левате ходит присказка – «Кэшмары и птицы сбиваются в стаи». Редко встретишь представителей этого Мэнора поодиночке. Если они наносят удар, то делают это совместно.

Мэнор-Лорд: Лавиния Кэшмар.

Правят Леватом.

Кэррингтоны

Заброшенные в дальний уголок Дыма, Кэррингтоны привыкли наблюдать за политическими играми других Мэнор-рождённых издалека. Однако если они решают влезть в драку, берегись: зрение у них что надо, и они не пропустят ни единого хода.

Мэнор-Лорд: Флорабелль Кэррингтон.

Правят Саутгуком.

Дарлинги

В последние годы гордое фамильное древо дарлингского Мэнора оказалось в значительной мере подрублено – последний удар был нанесён самим Мэнор-Лордом Силасом Дарлингом, сыгравшим в ящик. Которая из двух его дочерей возглавит род и продолжит наследие Лорда?

Мэнор-Лорд: почивший Силас Дарлинг.

Правят Сассексом.

Айрлэнды

Критики этого Мэнора говорят, что любовь Айрлэндов к роскоши обеспечивает работой половину портных в стране. Их сторонники, однако, поспорят, что войны велись и выигрывались в бальных залах Лорда Клэр Айрлэнд чаще, чем где бы то ни было.

Мэнор-Лорд: Клэр Айрлэнд.

Правят Квинсбридлом.

Фолки

Пятеро внушек Мэнор-Лорда Элоди Фолк осыпают комплиментами за их красоту во всех провинциях. Но будьте аккуратны с этими бриллиантами, потому что они могут и поранить.

Мэнор-Лорд: Элоди Фолк.

Правят Норрином.

Айбы

Будучи мастерами этикета, Мэнор-рождённые из семейства Айб известны тем, что сочтут затерявшееся приглашение на ужин оскорблением сродни нападению на их границы. Однако, заслужив их дружбу, вы приобретёте союзника на многие поколения.

Мэнор-Лорд: Реджинальд Айб.

Правят Райдвэллом.

Тюдоры

Злобные и величественные, Тюдоры затачивают своих отпрысков, как кинжалы, с младых лет. Кто же становится несчастными оппонентами этих детей? Как правило, члены их собственной семьи.

Мэнор-Лорд: Альбион Тюдор.

Правят Кайри.

Нью Лондон Тост

Суббота, 13 сентября 211 года Трансформации

Едва ли во всем Дыме найдётся душа, которая бы не скисла от грустных новостей: Его Высокопреосвященство глабокоуважаемый Мэнор-Лорд Силас Дарлинг почил вчера в своём доме, обители рода Дарлингов Норланд-Хаус. Несомненно, приближение осени теперь ускорится, и даже деревья сбросят листья в связи с утратой столь выдающегося человека, который на протяжении двух десятилетий оставался благородным пастырем провинции Сассекс и охранял проживающих на её территории от злого голода Фантомной орды. С его смертью каждый сакс утратил отца.

Жена Лорда Силаса, убийцы монстров и хранителя границ, всеми обожаемая Мэнор-Леди Артемис Дарлинг почилла ранее. Лорд Силас оставил после себя двух Перводочерей – Эстеллу и Мэррик Дарлинг.

Часть I. Истории о призраках

*Что за дева стучится в ночи?
Голые руки, зрачки же белы,
И так знакомы лица черты —
Невесты, потерянной во мгле пустоты.
Не верь, однако, стенамьям её:
Она незнакомка и гибель несёт.*
«ДЕВА, ЧТО СТУЧИТСЯ В НОЧИ». *Детская
считалочка, примерно 32-й год Трансформации, Дым*

Глава 1

В конечном итоге обратно домой меня зовёт смерть.

Прислонившись лбом к прохладному стеклу окна кареты, я пытаюсь забыться в этом ощущении вечернего морозца на коже, гладкого, словно нетронутая корка льда на поверхности пруда. Когда в мае я сбежала из Норланд-Хауса, весна ещё только набирала обороты; теперь же, с наступлением осени, в воздухе витает аромат гнилости. Там, под колёсами экипажа, в летнем чернозёме ползают червяки и ждут, когда природа сбросит прошлый сезон, словно змеиную кожу, — тогда для них начнётся пир.

Я путешествую, казалось бы, знакомым маршрутом. Той же самой дорогой я покидала дом — поменялось лишь на-

правление: теперь я двигаюсь в сторону провинции, а не из неё. Однако, когда я смотрю на протянувшийся за окном щербатый пейзаж, земли кажутся мне совершенно чужими: много месяцев назад я специально выбросила из головы любые воспоминания об этом месте, как перчатку, которая стала мне мала.

Да и что там помнить? Ещё неделю назад я считала, что никогда сюда не вернусь.

«Мэррик, папы не стало. Если ты не связана иными социальными обязательствами, заклинаю тебя, возвращайся скорее в Сассекс».

Слова сестры выжжены на обратной стороне моих век, словно клеймо, и причиняют боль каждый раз, когда я моргаю.

Подозрения охватили меня ещё до того, как я прочитала письмо. Лакей Ивсов принёс конверт с печатью Дарлингов – печатью моего Мэнора – два утра назад за завтраком. Я не получала вестей от сестры с момента моего поспешного отбытия из Норланд-Хауса немногим более четырёх месяцев назад. Мой отъезд стал вторым ударом по нашему гордому фамильному древу за довольно короткий срок: всего за три недели до этого карету нашей любимой Леди Артемис Дарлинг нашли перевернутой на границе Серых Земель, то, что осталось от неё самой, лежало в нескольких ярдах от экипажа, будто салфетку со стола выбросили. Горе быстро охватило нашу провинцию, хотя эту трагедию нельзя назвать

неожиданной. Даже на столь хорошо охраняемой территории, как Сассекс, мы все прекрасно понимали, насколько рискованно было путешествовать вблизи границы. Мы знали, что обитает по ту сторону зажжённых ламп, во мгле: мы все видели кости жертв – обглоданные подчистую осколки, белые и чистые, словно агнцы.

Стоит мне подумать о своей семье, как чувство вины ударяет под дых. Я должна была остаться с сестрой и Отцом после смерти матери, оплакать её. Вместо этого я пробыла с ними меньше месяца, а потом сбежала – быстро и далеко, как кролик, выскакивающий из своей норы.

«Не оставляй меня здесь одну». Слова сестры шёпотом вползают в моё сознание: её мольба тяжёлым шлейфом тащи́лась за мной каждую милю моего путешествия, пробивала себе путь в толпах на позолоченных вечеринках, которые я посещала в Новом Лондоне. Ещё до маминой смерти мы с Эсси отделились друг от друга – с возрастом становилось всё труднее отрицать, что, если забыть о кровных узах, мы с сестрой были соперницами. Тем не менее отсутствие близости между нами не уменьшило мук совести, последовавших за отказом. В тот день она попросила меня о помощи, а я не бросила и взгляда в её сторону, когда приказывала своим служанкам грузить последние чемоданы.

Правда заключалась в том, что я просто не могла остаться в одной с ней провинции, не говоря уже о том, чтобы жить под одной крышей. Только не после того, что поведал

мне Отец, – его слова были словно нож у горла, не дающий мне вздохнуть.

По спине пробегает дрожь, когда кучер на козлах направляет лошадей вдоль изгиба дороги и взору открывается береговая линия Сассекса. Купаясь в злобном мандариновом свете заката, острые клыки обрывов впиваются в темнеющее небо, а снизу доносится приглушённый рокот пенящихся волн, лижущих полосу гальки, словно собаки – объедки. Насколько хватает взгляда, по краю обрыва в обе стороны тянется линия чугунных фонарей; свисающие с перекладин огоньки горят ровно и ярко в надвигающихся сумерках.

Дальше простирается туман.

Он уже целиком поглотил пляж и, словно лоза, вьётся вверх по скалам, взбирается на самую верхушку, подобно брызгам океана. Я не вижу ничего, кроме мглистой массы цвета плавающего свечного воска, что вздымается за пределами фонарей, как скопище угрей. Там, где слабое вечернее солнце касается тумана, он вспыхивает металлическим блеском, словно монетка.

Серые Земли. Так мы зовём придушенные мглой, непригодные для жизни территории на нашем острове, Дыме. Только легионы горящих фонарей, как те, что выстроились передо мной, способны сдержать её наступление. Мои предки выстроили первый барьер почти два столетия назад, и с тех пор они стали нашей главной линией защиты в борьбе с туманом, который в противном случае просочился бы в на-

ши земли как гной из раны.

И принёс бы с собой монстров.

Тревога проступает во мне, будто роса на траве поутру. Когда я была ещё девчонкой, Серые Земли лишь лизали подножия скал в этом регионе. Теперь, несмотря на все усилия моей семьи, мгла затаилась всего в нескольких ярдах от дороги и маячит в поле моего зрения непрошеным гостем. Ещё несколько лет – ещё несколько прорывов, – и нам, скорее всего, придётся наносить на карту совершенно новый маршрут.

Я заставляю себя подумать о чём-то другом. Мы, рождённые намного позже пришествия тумана, привыкли жить как отдыхающие в час низкого прилива. Мы едим и пьём, порой даже смеёмся, но знаем – какие бы барьеры мы ни возводили, однажды вода придёт и смоет нас.

«Как она смыла моих родителей», – думаю я. Увы, напечатанный в газете некролог об Отце оказался столь же скуп на детали, как и письмо сестры. Однако, будучи Лордом Сас-секса, Силас Дарлинг сталкивался с Серыми Землями гораздо чаще, чем кто бы то иной в нашем государстве. Это часть нашей священной сделки – так описывал её мне отец: столетний пакт между нашими предками, первыми Мэнор-Лордами, и теми, кем они правили. Мэнор-рождённые, как моя семья, используют данный им иммунитет против преобразующего прикосновения тумана, дабы защищать вверенные им провинции: мы чиним повреждённые пограничные фо-

нари, наблюдаем за патрульными и по необходимости убиваем монстров, что просачиваются в бреши наших доспехов. Взамен часть дохода провинции идёт на управление Мэнором. Эту систему вращивали поколениями, это право переходило от одного Мэнор-рождённого к другому, словно зажёжённый факел, – неизменно и неуклонно.

Помню, как в первый раз последовала за Отцом в туман. Мне было тринадцать, я только пережила свои первые месячные, когда всё случилось: на южном хребте Сассекса заметили Фантома, которому, очевидно, удалось ускользнуть от патруля. Мы с Отцом вместе выследили его, двигаясь вдоль побережья, прежде чем погрузиться в Серые Земли; мы изловили создание до того, как ему удалось скрыться в молочной завесе своего дома. Я до сих пор вижу эту сцену – как туман гигантскими крыльями вихрится за спиной Отца, пока тот скачет вперёд. Словно он – посланец богов, воин с небес, неприкасаемый для нас, простых смертных.

Однако глядя на мглу теперь, я гадаю, приблизилась ли она за то время, что я отсутствовала. Что если одно из созданий, на которых отец охотился, в конечном итоге отплатило ему?

Откинувшись назад, я роюсь в сумочке в поисках того, что отвлечёт меня, – пальцы с удовлетворением нащупывают мягкую бумагу сложенной газеты. Я осторожно вытаскиваю её и расправляю на коленях. Ивсы – давние друзья моей семьи и опора всей общественной жизни Нового Лондо-

на — уже много лет подписаны на «Нью Лондон Тост», самую скандальную газету нашей столицы, обязательную для прочтения всем молодым леди, пытающимся выжить в предательских водах очередного сезона. Перед отъездом мне удалось раздобыть последний выпуск, чтобы скрасить самые монотонные часы моего путешествия толикой драмы.

Мой взгляд скользит по клубам тумана, проплывающим за окном, — на мили вокруг нет ничего, пейзаж напоминает незаконченное полотно. Кажется, сейчас самое время.

«Тост» не требует вдумчивого чтения. Я просматриваю по диагонали несколько первых абзацев и внезапно замечаю собственное имя. Сгорбившись над газетой, как не полагается делать леди, я хочу получше разглядеть чернильные слова:

«Наши читатели будут рады услышать, что бриллиант нынешнего сезона, обворожительная Перводочь Мэррик Дарлинг, продолжила своё блестящее шествие на балу леди Фэрфакс в прошлую пятницу. Хотя её балльная книжка была переполнена именами почитателей, жаждающих заполучить её сердце, наш зоркий глаз приметил, что Перводочь подарила всего два танца, и то только одному джентльмену — сэру Фицджеральду Ваннетту из Ваннетт-Мэнора. Неужели самая драгоценная голубка Нового Лондона наконец нашла где угнездиться? Согласно нашим источникам, предложения пока не последовало, однако если мы что и почерпнули из наблюдений за последней охотой, так это то,

что за ценной кобылкой всегда начинается погоня».

По телу разливается чувство облегчения, и я закрываю глаза. Значит, они заметили – как я и рассчитывала. Хорошо. Фиц оказался приятным компаньоном на балу Фэрфаксов, хотя не настолько, чтобы оправдать утомительные часы, проведённые перед зеркалом до бала. Однако куда важнее то, что благодаря его принадлежности к одной из двенадцати правящих семей Дыма – пусть даже он всего лишь сын низко стоящих Румяных, а не могущественный Красный Герцог или Маркиз Крови, – его внимание разожжёт интерес других претендентов.

Этот интерес мне ещё понадобится, когда я вернусь в Новый Лондон после похорон Отца. И ещё как, если быть честной. За прошедшие месяцы я усвоила – есть только одна вещь, которую Мэнор-рождённые любят больше, чем фаворитку общества, и это девушка, подвергшаяся критике. «Тост» может восхвалять меня сейчас, но стоит им узнать правду, как мой упомянутый блеск окажется запятнан.

Достаточно им пронюхать о причине, по которой я, в отличие от моих предков, охочусь исключительно за мужем.

Пронзительное ржание лошади пререзает мои мысли. Я распахиваю глаза, когда карету начинает трясти, её деревянный скелет содрогается, отчего я клацаю зубами в момент удара. Схватившись обеими руками за край скамьи, я ищу равновесия и выглядываю из окна, а сердце колотится в груди.

Я делаю вдох. В каких-то десяти ярдах от кареты воздух сгустился, лишился своей прозрачности и наполнился туманом – мглистая масса светится призрачной серебряной аурой, которая разгорается тем ярче, чем дольше я смотрю на неё. Она прямо у нас на пути.

В панике я оглядываюсь на фонарные столбы, ища защиты у крошечной вспышки оранжевого света. Грудь сковывает льдом, когда я замечаю дырку в их рядах – тёмное место, похожее на абсцесс: один из фонарей впереди погас, образовав проход, через который просочилась мгла. Молочные щупальца взбираются по чугунному столбу и любовно гладят металл. Крепко его сжимают.

«Прорыв. В Сассексе». У меня перехватывает дыхание. Конечно, такое не исключено, но на моём веку пограничные фонари ломались так редко, что с лёгкостью можно было забыть о происшествии прежде, чем оно повторится. В иных провинциях, которыми правят более слабые Мэноры, прорывы случаются ежедневно. Но не здесь. Только не под надзором Отца. Огни должны останавливать продвижение Серых Земель.

На один лихорадочный момент мир замирает, время застывает, словно оно тоже не уверено, стоит ли ему двигаться вперёд. Затем возница бьёт хлыстом, и я прихожу в чувство, возвращаясь в собственное тело и мчусь навстречу туману.

Я бросаюсь вперёд и колочу по стеклу, отделяющему пассажира от возницы, с такой силой, что кажется, оно не вы-

держит.

– Вы свихнулись? – Грубые слова срываются с языка, по-
нукаемые ужасом; на сиденье передо мной возница борется с
поводьями, дёргает уздечку вправо и влево – безрезультатно.
Конь мчит вперёд. Я кричу громче: – Остановите его сейчас
же, пока мы...

Нас проглатывает белая стена.

Словно громом поражённая, я молча смотрю, как передо мной мгла разевает пасть и смыкает её вокруг возницы, увлекая в свои глубины. В ушах стучит кровь. Конечности раскисли, стали тяжёлыми и раздутыми; недвижно, словно со дна озера, я глазею на то, как пушистые завитки тумана оплетают окна кареты, лишая меня возможности увидеть что-либо.

За стеклом всё тихо, словно на мир набросили толстое покрывало. Я чувствую, как экипаж скрипит пружинами и останавливается.

К горлу подступает желчь. «Возница». Где он? Напрягая зрение, я пытаюсь рассмотреть хоть что-то помимо жёлто-белой завесы, окружающей меня. Все дети Дыма, рождены они в Мэноре или нет, учатся, что делать в случае прорыва, стоит им начать ходить. Первым делом закрыть нос и рот. Всех, за исключением Мэнор-рождённых, один глоток мглы убивает вернее, чем пуля.

Второе правило, почти столь же важное, – продолжать двигаться. Вот ты считаешь, что опасность миновала, и за-

мираешь на долю секунды между одним вдохом и следующим, – тогда-то они и находят тебя.

Я по-прежнему щурюсь в непроглядной белизне, когда слышу этот звук – влажный, естественный, с таким плохо воспитанный сосед за обеденным столом обглаживает косточку. Жуёт, зубы смачно скрежещут о мясо.

Тошнота бурлит и застывает горячим свинцовым страхом. Сколько бы раз я ни ходила в Серые Земли с Отцом и его людьми, ужас всегда застаёт меня врасплох. Кошмарная паника, стремительное погружение в глубины искажённой реальности, где монстры настоящие – где они сходят со страниц книг и присоединяются к тебе за завтраком.

Сжирают тебя.

«Фантом». Он здесь.

Словно в ответ, из мглы позади кареты доносится противный хруст, с каким ломается кость. Стекло справа забрызгивает алым, капли крови ударяются о траву, словно внезапно пошёл дождь. Наконец-то срабатывают инстинкты – я медленно тянусь к щиколотке, поднимаю юбки и достаю приточенный к голени нож. Я бы предпочла привычную тяжесть Истребителя Призраков, но мне пришлось сдать любимый пистолет по приезду в Новый Лондон: по мнению Ивсов, оружие было неуместным аксессуаром в обществе и уж никак не подходило для чаепития.

К моему счастью, мистер Ивс был джентльменом и не потрудился обыскать меня на предмет клинков, в противном

случае нынешняя ситуация оказалась бы куда хуже.

Жевание за окнами прекращается.

Последний воздух покидает лёгкие, когда мне на колени падает тень: сперва она едва касается юбки, затем распространяется дальше по мере того, как её обладатель мерно приближается. Я не спускаю глаз с дрожащего угольного пятна и крепко сжимаю рукоять ножа, в голове эхом звучит голос Отца.

«Бей первой и бей сильно. Целься в слабые места – основание позвоночника, пах, колени. Помни, некогда эти существа были людьми. Они так же смертны, как и человек».

Тук. Тук. Нерешительным гостем нечто осторожно стучится в стекло. Секунду спустя звук повторяется – *тук, тук, тук.*

Я возношу скорую бессловесную молитву Божественной троице – Горящему Королю, Хранителю Света и Кровопускателю, триумvirату божеств, которые якобы оберегают Дым и, согласно поверью, наделили первых Мэнор-Лордов иммунитетом. Затем я поднимаю глаза.

На секунду мне кажется, что создание по ту сторону стекла – человек. Когда-то оно им было, прежде чем мгла вползла в его вены и заменила красную кровь на белую субстанцию, вгрызлась в его мозг и пожирала его до тех пор, пока не осталось ровным счётом ничего. Теперь глаза Фантома чисто белые – выпуклые паучьи яйца на костлявом лице. Редкие полосы кожи, что всё ещё остались на черепе, высохли и

загрубели – голова похожа на сморщенное яблоко, большая часть кожуры отвалилась. Тонкие полоски жил и мышц соединяют кости, сколотые жёлтые зубы торчат из почерневших дёсен, клацают и скрежещут извращённой песнью.

От его вида что-то внутри закрывается, запечатывает уязвимые части меня самой, оставляя лишь твёрдую оболочку, решительно настроенную сражаться. «Вот оно». Вот чего мне не хватало в последние месяцы, пускай я и отказывалась это признать, занятая тем, что позволяла Ивсам прихорашивать меня к новому сезону и полировать как самый ценный бриллиант – хорошенький, блестящий и лёгкий. Вызова, этой эфемерной границы между жизнью и смертью, когда ставка – выживание.

Вот какой меня растили. Вовсе не девочкой, которой отец заставил меня стать, когда...

Фантом с яростью кидается на дверь кареты – она заперта, но долго не выдержит, – поломанные ногти царапают бока экипажа. Мне некуда бежать, так что я поднимаю нож выше, собираюсь с духом и жду.

Стекло разбивается под натиском фантомных когтей. Я бросаюсь вперёд для удара, кривлюсь, когда осколок летящего стекла царапает щёку. Мой нож в дюйме от груди монстра, когда громовой раскат сотрясает туман, и я отступаю. Из горла Фантома доносится душераздирающий вопль – жуткий монотонный крик, напоминающий гудение пчелиного роя, нечеловеческий, неземной. В ошеломлении я могу только

смотреть, как тварь заваливается вперёд, ударяется об оконную раму и теряется из виду, рухнув на землю.

Мгла вокруг меня беззвучно пульсирует, эхо выстрела сотрясает воздух, как затихающий гул скрипки. Я хватаюсь за грудь, горящую от боли, словно ею долго не пользовались, и оттого она забыла, как надо работать.

«Всё с тобой в порядке, Мэррик. Ты жива. Ты...»

Дверь кареты распахивается с треском. Я едва успеваю понять, что передо мной лицо мужчины, наполовину скрытое повязанным носовым платком. Он возникает из мглы, как призрак. Сзади на голову мне ложится рука, к носу и рту прижимают хлопковую тряпку. Мужчина берёт меня на руки, вытаскивает из кареты и...

Тащит в туман.

Глава 2

Поле зрения заполняет огонь: в другой руке мужчина держит факел, подобно маяку. Пламя серпом прорезает удушливую дымку, которая от прикосновения жара шипит словно затушенный фитиль.

Меня тащат по узкому коридору свежего воздуха, позади нас мгла бесшовно срастается вновь. Туман наползает на мои туфли из чёрного сатина, абсолютно неудобные; я шагаю вперёд, бледная, как мёртвая белобрюхая рыбина. С каждым шагом мгла тербит и цепляется за меня, словно лоза.

От её склизкого, маслянистого прикосновения к ногам в желудке всё переворачивается. Я ступала на Серые Земли прежде, но так и не сумела привыкнуть к этому ощущению – к тому, что в непосредственной близости мгла проникает в поры, как озёрная вода просачивается сквозь шерстяной плащ.

Туман взбирается всё выше, дотрагивается до колена. Прикосновение почти знакомое, словно мгла меня помнит и терпеливо ждала того дня, когда я вернусь. Подавляя рвотный позыв, я осматриваюсь вокруг в поисках движения, очертаний тела в засаде. Пустая белизна подавляет, её безжизненный взгляд невозможно расшифровать, но это ещё ничего не значит. В отличие от неизменённых людей-собратьев, Фантомы с лёгкостью ориентируются в тумане благодаря чуткому слуху, так некстати дарованному им их бледным

создателем. И они редко охотятся в одиночку.

Чуть поодаль, слева, мне кажется, что дымка дрожит, разделяется, словно вокруг сгорбленной формы...

Мужчина с силой дёргает меня, и всё остаётся позади – мы ступаем в чистый вечер. Я тут же вырываюсь из его хватки и сдёргиваю с лица тряпку. Рот наполняется влажным солёным привкусом океана, в ноздри врывается острый мускусный запах морских птиц и их гнёзд. Я всегда предпочитала ароматы дыма и пота, окутывающие город, диким и пикантным запахам природы, но сейчас я глотаю их, словно святую воду, словно уже этого достаточно, чтобы очистить меня от прикосновения Серых Земель.

Рядом мой спаситель – или похититель? – размахивает факелом перед стеной мглы, выжигая её пушистые края. Эффект долго не продержится, благо туман столь же медлительный, как и смертельный. У нас есть по меньшей мере несколько минут перед тем, как он отвоюет потерянную территорию и снова заключит нас в свои объятия.

Закончив, мужчина стягивает свой платок, обнажая нижнюю часть лица, втыкает факел в землю и тянется за чем-то на поясе. В кобуре на правом бедре сверкает изящный серебряный пистолет; я подмечаю компактный размер его Истребителя Призраков, сделанный специально для таких случаев, чтобы было легко носить с собой. Я напрягаюсь, но его рука скользит дальше и вкладывает мне в ладонь что-то прохладное и металлическое.

– Пей! – говорит он вкрадчиво, не столько тихо, сколько аккуратно и точно отмеряя силу голоса, как будто если он зараз потратит слишком много, потом ничего не останется. Несмотря на это и на его помощь, внутри закипает раздражение от столь фамильярного обращения. В детские годы Эсси часто ругала меня за вспыльчивость: я обижалась даже когда оскорбление мне только виделось, в то время как она была словно море, что простиралось рядом со мной, вздымалось медленно, но если наносило удар, то было смертельным.

Отцу больше нравился гнев моей сестры – расчётливый и контролируемый, – а не мои бурные эмоции, которые, по его словам, вредили правителю. Но он в принципе считал мою сестру лучше.

Проглотив раздражение, я верчу в руках предмет – простую, ничем не украшенную фляжку, – прежде чем поднести её к губам и позволить прохладной воде скользнуть в горло. У неё горький привкус, как у позеленевшей меди.

Вернув себе самообладание, я передаю флягу обратно и поднимаю глаза на мужчину передо мной. Присмотревшись, я с удивлением обнаруживаю, что он ещё практически мальчишка – немногим старше меня самой с моими семнадцатью. Заходящее солнце бликует на чередё выпуклостей, что тут и там взрезают его кожу. Я вздрагиваю, осознав, что это расползшиеся и побелевшие с годами шрамы. Один, подобно молнии, рассекает правую бровь и спускается на щёку, едва не задев глаз; на верхней губе отсутствует кусок плоти,

будто кто-то его выгрыз. Мой взгляд спускается ниже – туда, где на шее красуется особенно бугристый шрам, и я задаюсь вопросом, а уж не Фантом ли оставил этот след: быть может, я не первая девушка, которую он вытащил из заполненной мглой кареты, на которую набросился монстр?

Если так, то что привело его сюда, заставило бродить по побережью моей провинции и выискивать дам в беде для спасения?

Юнец молча и расчётливо разглядывает меня в ответ, его глаза скользят по моему лицу, словно смаргивая каждую секунду. Один глаз у него карий, а второй – бледно-голубой, незамутнённый, словно кристаллик январского льда. Он смотрит на меня столь пристально, что мне становится не по себе, и кожа начинает свербеть, чем дольше он глядит.

Я отвожу взгляд.

– Спасибо, что спас меня там, – говорю я, чувствуя, будто проиграла какое-то испытание. – Хотя, – добавляю я, подбрасывая нож и протягиваю ему рукоятку, – у меня всё было под контролем.

– Вот как? – спрашивает он без издёвки, тем же самым ровным тенором, но, подняв глаза, я замечаю тень ухмылки на его губах. – В таком случае не стоит меня благодарить. Я так полагаю, теперь это нельзя назвать спасением.

Наши взгляды встречаются вновь; я не успеваю отреагировать – его рука выхватывает кинжал с ловкостью заядлого карманника.

– Хороший клинок.

Мальчишка обрывает мой протест тем, что начинает играть с ножом, вращая его то в одну, то в другую сторону – клинок кровит в оранжево-красных сумерках. Затем он опускает лезвие и протягивает его обратно.

– Могу я спросить, куда ты направляешься?

Я выдёргиваю нож, хватаясь за него как за спасительную соломинку.

– Домой, – огрызаюсь я.

Парень вздёргивает бровь, не впечатлённый.

– Домой?

– Да.

«Успокойся, Мэррик. Кем бы ни был этот мальчишка, он ниже тебя по рангу. Не отдавай ему контроль».

Прикусив щёку, я стараюсь говорить без эмоций.

– Да будет тебе известно, что мой отец только что покинул этот мир, и я еду на его похороны.

– Твой отец...

Впервые неуверенность прочерчивает борозды на его лбу. Он царапает по мне взглядом, взор задерживается на светлых кудрях, выбившихся из аккуратного пучка и падающих на лицо, на немодно широких бровях и остром дарлингговском носе, а затем он кланяется в пояс. Я практически чувствую, как его взгляд отлепляется от меня – кожу саднит, будто этот взор материален и оставляет после себя липкий след.

– Простите меня, Перводочь Мэррик, – щёки его заливаются краской. – Я... я вас не узнал.

Чувство победы от того, что он извинился, быстро сменяется неловкостью от его скромности. Упоминание моего титула жмёт, как чересчур узкий корсет, – ложная корона. Хотя все потомки Мэнора получают дар иммунитета, нас делят на ранги в зависимости от обязанностей: на самой верхушке системы находится Мэнор-Лорд, глава, управляющий провинцией и возглавляющий её оборону; следом за ним по количеству власти идёт горстка Красных Герцогов и Герцогинь – как правило, они связаны с Лордом родством, являются его братьями и сёстрами или детьми, состоящими в браке. Далее, в порядке убывания влияния, идут Маркизы Крови, Багровые, Румяные и, наконец, просто Сэры и Леди. Мой титул Перводочери редкий, его используют только по отношению к незамужним дочерям Мэнор-Лорда.

Только вот мой Лорд мёртв.

– А вы кто? – быстро спрашиваю я – пожалуй, чересчур быстро, но парень, судя по всему, не замечает. То, что он ранее вошёл во мглу, говорит о том, что он тоже должен быть Мэнор-рождённым, хотя я не вижу сходства ни с одним из родственников Дарлинг. Возможно, он приехал из другой провинции, чтобы почтить память Отца? Я вглядываюсь в его черты. Точно не Баллантайн – не тот цвет волос: блёкло-русые, словно высохшая пшеница, а не рыжие. Может, Варчайлд или Кэррингтон?

– Брэндон, моя леди, – отвечает он, расправив плечи, прежде чем я могу рассмотреть его получше. – Киллиан Брэндон. К вашим услугам, конечно.

Он оборачивается, устремляя своё внимание обратно к туману, который волной поднимается позади нас.

– Нам нужно будет вскоре выдвигаться, – говорит парень – Киллиан. – Остальные поблизости: я послал вспышку, когда увидел, как ваша карета едет во мглу. Они захотят устроить сожжение, чтобы не потерять территории.

Я хмурюсь, не понимая, о чём он.

– Остальные? – переспрашиваю я.

В ответ на мой комментарий парень ведёт подбородком, и я тут же замечаю детали его гардероба, которые пропустила: на плечах сизо-серого пальто блестят красные эполеты, на ногах – белые бриджи и чулки. Брошь с рубином в форме розы сверкает на груди.

Крест Дарлингов.

Понимание пикирует на меня.

– Ты один из караульных моего Отца.

Киллиан кивает. Теперь, когда я определила, кто он, мне становится легче и я примирительно улыбаюсь ему. В итоге он оказался *не* чужим благожелателем. Хотя...

– Брэндон – не думаю, что знакома с этой ветвью семьи, – я прокручиваю его фамилию в голове. – Какой двоюродной бабке я обязана своим спасением?

Я вновь изучаю его лицо в поисках хоть намёка на иска-

жённы́е черты моих родственников. Странно представить, что где-то глубоко в наших венах течёт одна и та же кровь – что формально он мне родня. Ещё один пункт мэморской сделки: в то время как ответственность за охрану провинции ложится на плечи Лорда, ему необходимы дополнительные структуры для осуществления патрулей и поддержки границ. Поскольку лишь Мэмор-рождённые способны работать вблизи Серых Земель без значительного риска (не будь у них иммунитета, потенциальный прорыв оказался бы катастрофой для всех остальных), дети семей с более низким рангом часто идут на год или два на военную службу в надежде снискать благосклонность Лорда по окончании срока.

Пост караульного считается проявлением беспредельной храбрости – не только в связи с физической угрозой, которую представляют Фантомы, но и потому что родня с окраин Мэмора чаще вступает в менее престижные браки с людьми, не принадлежащими к одной из двенадцати благородных семей, и в результате их потомки оказываются смешанных кровей. Пока я росла и воспитывалась как Мэмор-рождённая леди, я слышала не одну поучительную историю об обречённых ветвях родового древа, чья кровь настолько разбавлена, что их потомки уже не наследуют дар предков. Брак Отца с моей матерью-простолюдинкой вызвал настоящий скандал: такого в Сассексе не случалось в течение многих поколений; пересуды утихли годами позже, только после того, как у меня и сестры проявился иммунитет.

Кое-кто из караульных продолжает службу даже по истечении срока и строит карьеру, хотя большинство счастливы получить надел земли где-нибудь на севере Сассекса, подалеже от наползающей мглы, и запихнуть воспоминания о битвах в самый дальний уголок памяти, где время разъест их, словно моль пару шерстяных брюк. Где они станут мягкими и их можно будет коснуться, а со временем они почти смогут поверить, что монстры, с которыми они однажды боролись, всего-навсего легенды.

Оставшиеся здесь, увы, лишены подобной роскоши.

Однако Киллиан качает головой.

– Я не Дарлинг, Перводочь. Моя матушка родом из Кайри: её отец был Румяным в Тюдоровском Мэноре, однако он отказался от своего титула и земель в пользу брата, моего дяди, и после его кончины в прошлом году мы остались ни с чем. Я приехал в Сассекс менее месяца назад на зов Перводочери Эстеллы, которая обещала земли в обмен на службу.

От его слов меня простреливает тревогой. Практика найма караульных из других провинций существует, даже в моем детстве Отца несколько раз просили одолжить войска в помощь тому или иному бедствующему Лорду, однако большинство Мэноров по возможности избегают подобных ситуаций, потому что в противном случае они во всеуслышание заявляют, что их собственная кровь уже не способна защитить их людей. Моя родная провинция Сассекс уж точно никогда не нуждалась в помощи.

В памяти вновь встает одинокий погасший фонарь, затерянный где-то среди мглы позади меня – этот чёрный, гнилой зуб в изогнутой улыбке границы. Случались ли подобные инциденты в моё отсутствие? В Новом Лондоне до меня не доходили подобные слухи, но, если это правда, скольким людям не посчастливилось оказаться на пути Фантома без охраны караульных? И сколько монстров целыми и невредимыми выбралось из мглы и теперь рыскает по береговой линии?

«Что, если один из них убил Отца?»

«Прекрати, – ругаю я себя. – Ты забегаешь вперёд, Мэри-рик».

Но кое-что ещё из слов Киллиана не даёт мне покоя по куда более личным причинам.

– Ты сказал, моя сестра наняла тебя? – уточняю я у него, пытаюсь прогнать туман в голове. – Найм караульных является обязанностью Мэно-Лорда, разве нет? Знал ли Отец о действиях Эсси?

«Он обещал мне подождать...»

Киллиан хмурится, переступает с одной ноги на другую, словно мой вопрос выбил его из колеи.

– Не хочу проявить бестактность, Первоначальник, но думаю, что Мэно-Лорд Силас... он не очень хорошо себя чувствовал последние месяцы перед кончиной, – он избегает встречаться со мной взглядом. – Мне не известны подробности, но с самого начала службы я получал приказы от вашей сестры.

– Папа был болен? Так вот почему его не стало – из-за болезни?

Камень у меня на сердце становится всё тяжелее, кажется, что сарказм в записке Эсси, которой она просила меня вернуться, более чем оправдан, если, уехав из Норланд-Хаус, я оставила её не только один на один с воспоминаниями об ушедшей матери, но и в ситуации, когда Отец медленно умирал.

– Мне кажется, что его проблемы были связаны скорее с головой, – Киллиан отвечает с запинкой. – Как я уже сказал, я не могу предоставить вам больше деталей, но в бараках поговаривают, что его подкосило горе от потери вашей матери.

«Ой». Меня затапливает волна стыда, густого, словно смола.

– Я... я не знала, что он так сильно страдал. Меня не было дома последние несколько месяцев – я жила у друзей семьи в Новом Лондоне. Если бы Папа только написал мне...

– Я не обвиняю вас в том, что вы уехали, Перводочь Мэррик, – прерывает меня Киллиан.

Его прямота притягивает. Несмотря на грубость манер, тон его на удивление мягок и любезен – так говорят священники, привыкшие выслушивать исповеди и отпускать грехи. Он смотрит на меня не таясь, искренне: теперь я вижу – реши я поверить ему свое чувство вины, вызванное отъездом, он бы меня простил. Идея соблазнительна, как тёплая ванна. Сама мысль заставляет меня ощериться.

– И что вы хотите этим сказать? – бросаю я.

Его льдистые глаза пронзают меня иглой в самое сердце.

– Только то, что я сам далеко от дома. И я усвоил, что люди нашего круга не уезжают без особой на то причины.

На мгновение между нами повисает молчание. Я приоткрываю рот, чтобы ответить, и тут из-за горизонта доносится громкое пронзительное ржание – тишина переламывается, словно веточка под ногой. Киллиан поворачивается на звук и с облегчением выдыхает.

– Вот и они, – он вздыхает прежде, чем повернуться ко мне. – Позвольте мне сопроводить вас до дому, Перводочь.

Вслед нам раздаются вопли Фантомов.

Как и обещал Киллиан, остальные члены его полка прибыли вскоре после него – все верхом и вооружённые Истребителями Призраков. Сперва они окружили покрытую мглой часть обрыва и установили временную границу из пылающих палок, воткнутых в землю, после чего скользнули между ними в белёсую дымку с оружием в руках. Мы уехали до того, как они закончили охоту, но по опыту я знала – после того, как караульные отыщут все тела, будь то тела Фантомов или людей, живые или мёртвые (хотя последние встречались очень редко), они подожгут заражённую территорию, истребляя всё в надежде, что туман не вернётся.

Я вновь представила себе пограничные фонари, вспомнила, как туман льнул к ним, хотя всего несколько лет назад мгла не выходила за пределы пляжа внизу. Пусть сегодня лю-

дям удастся отвоевать кусок земли, сколько ещё мы уступим Серым Землям? Дюйм? Два?

Сколько ещё территории мы могли позволить себе отдать?

Когда за нашими спинами раздался первый выстрел, на меня внезапно нахлынула жалость. И полчаса не прошло с тех пор, как Фантом чуть не лишил меня жизни – тем не менее я никак не могла избавиться от шепотка в голове, который твердил, что их смерти нечего радоваться.

Убей меня тот монстр или я его – в конечном итоге всё сводилось к тому, что мы пожирали своих.

Обратный путь мы с Киллианом проделали в тишине. Мы ехали верхом на лошади, которую он реквизирует у своего товарища, мои руки неловко обвивали его за талию – всё это исключительно из соображений практичности. Однако после жёстких правил ухаживаний, что царили в Новом Лондоне, его тепло, согревающее меня, казалось мучительно интимным. В столице каждый флирт был как игра в шахматы: его необходимо было точно спланировать, выстроить стратегию, каждая сторона усердно двигалась к своей цели – чаще всего деньгам или статусу. Некоторые искали секса, хотя меня всегда пугали последствия, и я никогда не ввязывалась в подобные интрижки.

Вскоре по прибытии в Новый Лондон я усвоила, что любовь может привести к ошибкам, к небрежности – и то, и другое могло безвозвратно уничтожить репутацию девушки, рождена она в Мэноре или нет. А я неустанно трудилась над

тем, чтобы к моей было не подкопаться: никаких действий, которые вызовут пристальные взгляды, и не дай бог, мои секреты проступят как пятна на платье.

Чтобы отвлечься, я разглядывала проплывающий пейзаж: маленькие домики, светившиеся изнутри огнями свечей, обихоженные пастбища, где тут и там встречались большеглазые коровы. Таким был Сассекс в моих воспоминаниях – картина пасторальной идиллии: безопасная, простая и *скудная*. Однако, как я ни старалась забыть, над мыслями подобно угольному дождевому облаку довлела сцена, в которой Фантом надвигался на меня, очерив клыки.

Веки стали тяжёлыми и наконец опустились. «Туман бросается вперёд, словно кошка, обволакивает возницу...»

Плечи напряглись, и я заставила себя открыть глаза.

Киллиан слегка повернул голову в мою сторону, всего-то на один волосок.

– Вы в порядке, Перводочь?

Я жалею, что упомянула Отца и свой титул. Для меня он звучит как насмешка, напоминание о том, что я утратила, хотя Киллиан и не имеет ничего такого в виду.

– Я в порядке, – сдержанно отвечаю я.

Мои слова удовлетворяют караульного, он кивает в знак принятия и вновь переводит всё внимание на дорогу впереди.

– Мистер Брэндон, – звук собственного голоса меня удивляет. Я не отдавала себе отчёта, что собираюсь позвать его,

пока его имя не сорвалось с моих губ. – Если вы не возражаете, могу я вас кое о чём спросить?

Впереди меня Киллиан кивает.

– Конечно, Перводочь.

Хотя мои руки по-прежнему обвивают его вокруг талии, я откидываюсь назад в седле, отматывая назад цепочку мыслей, пока не натыкаюсь на узел, который меня беспокоил.

– Я тут думала над тем, что вы сказали ранее – о том, что моя сестра созывает больше караульных. Меня удивляет, что эти новости не достигли Нового Лондона, – я беззаботножимаю плечами – жест, который не заметит ни окружающий пейзаж, ни невидящая спина моего собеседника. – В столице слухи обычно распространяются быстро, вот и всё.

Может, мне просто кажется, но я чувствую, как Киллиан напрягается в моих «объятиях».

– Перводочь Эстелла пожелала, чтобы набор солдат привлёк как можно меньше внимания, – медленно отвечает он. – Полагаю, она тревожилась о том, как провинция воспримет подобные новости.

– Да, но что сподвигло её предпринять столь радикальные меры в первую очередь? – осмелев, я давя на Киллиана.

Он молчит и только крепче стискивает поводья, щёлкает ими и подгоняет коня. Выглядит он насторожённым: мне виден его профиль – челюсти плотно сжаты, как у загнанной в угол лисы.

Я же, напротив, гончая, учуявшая след.

– Прошу вас, сэр, – подталкиваю его я. – Вы должны понимать, насколько вся эта ситуация меня расстраивает. Я лишь хочу во всем разобраться.

Киллиан сутулится и долгое время ничего не говорит. Я боюсь, что потеряла его, но вот его голос звучит снова. На этот раз он мягче.

– Возможно, были и другие... инциденты... недавно, – говорит он, оглядываясь на меня. – Вроде того, через что прошли вы.

Мой пульс ускоряется, а в груди спирает дыхание.

– Были и другие прорывы?

Киллиан резко кивает. Воздух в груди вдруг становится прогорклым и щекочет лёгкие, словно дым.

– Как много?

Возможно, я зашла слишком далеко, в данный момент любой мой вопрос может перегнуть палку, но погоня началась, и я не желаю сдаваться.

Киллиан мешкает, его молчание пропитано эмоцией, которую я не могу прочесть. Но по тому, как она скользит по моей коже, я почти готова окрестить её страхом.

По спине пробегает дрожь, когда он откашливается.

– Простите, Первоначальное, больше мне нечего вам сказать. – Вот она, черта – я её нашла и пересекла. – Вам следует поговорить с сестрой: она запретила нам обсуждать эту тему с кем-либо.

– Да, но... – начинаю возражать я, однако слова улетучи-

ваются с языка, потому что мы оказываемся на вершине холма, и в закатном солнце я вижу его – вдали, подобно каменному левиафану, возвышается угловатый Норланд-Хаус. Зазубренная постройка на столетия старше, чем я, её дизайн служит единственной цели – устрашать. Раскинувшиеся в стороны крылья здания, возведённые в георгианском стиле каким-то дворянином ещё в до-Дымовую эпоху, загораживают заходящее солнце; арочные окна стоят наполовину в тени, словно сонные глаза под полуприкрытыми веками. Поместье – от выщербленного кирпича до кровельной дранки – сочного ярко-красного цвета. Алый сочится и прокрашивает сумерки, даже тени кроват липким и текучим багрянцем, что питает землю.

Я чувствую пульсирующее присутствие дома в атмосфере, живого, как внутренний орган. Вместе с этим чувством поднимается и ностальгия. Было время, когда я верила, что никогда не покину поместье, что оно является продолжением меня самой, как любой Дарлинг является продолжением одной-единственной линии, вечно растущей от одних и тех же корней. Но сейчас я чувствую, будто стою на чужой земле и только мечтаю о доме. Как только похороним Отца, я снова с ним попрощаюсь и в следующий раз вернусь уже под другой фамилией.

Спереди Киллиан едва заметно вздрагивает – я бы и не узнала, не прижимайся я к нему так тесно. Я краснею, глядя, как мои ногти нервно впиваются в его тело, словно когти. Я

заставляю себя разжать руки и отодвигаюсь как можно дальше, не сводя при этом взгляда с поместья по мере нашего приближения.

Едва наша лошадь останавливается в конце извилистой гравийной дорожки, как двери Норланд-Хауса распахиваются. На пороге появляется молодая женщина, её длинные чёрные волосы выбились из пучка и развеваются на ветру, подобно тёмным лентам. Её тяжёлый взгляд врезается в меня, подобно массе холодного воздуха. Никогда бы не назвала свою сестру *красивой*. Но даже в простом траурном платье Эстелла выглядит внушительно, её угловатые черты остры и несглажены, тонкие губы и серые глаза одновременно внушительны и элегантны, как буря в самом разгаре.

– Итак, – произносит сестра, когда мы подходим ближе, и поднимает бровь, глядя на меня. Голос её тих и скрипуч – он проводит пальцем по позвоночнику и заставляет встать по стойке «смирно!». – Ты вернулась.

Она обводит меня взглядом с головы до ног, подмечает моё растрёпанное состояние и то, что приехала я без кареты.

– Если честно, я была уверена, что к этому моменту ты уже успеешь выбить из кого-то кольцо.

Невозмутимо я ловлю её взгляд, когда она вновь смотрит мне в лицо.

– Я взвешиваю варианты.

Киллиан тихонько покашливает. Вспомнив о нём, я краснею и поспешно слезаю с коня, бормоча благодарности, по-

ка он разворачивает лошадь и удаляется – чуть быстрее, чем того требуют обстоятельства, по моему мнению.

Оставшись наедине, мы с сестрой неловко разглядываем друг друга. Случись наше воссоединение несколько лет назад, я бы уже, без сомнений, была в её объятиях. Однако после четырёх месяцев разлуки я странно себя чувствую в её компании. Она не подходит мне, словно детское платье, из которого я выросла.

Хотя точнее будет сказать – платье, которое я выкинула, сбежав из Норланда и оставив сестру один на один с горюющим Отцом, ворохом обязательств размером с провинцию и пустым поместьем, до краёв наполненным призраками нашей семьи.

«Поговаривают... его подкосило горе от потери вашей матери».

– Ну так что, мне здороваться первой? – от слов Эсси моё чувство вины трескается, и я сметаю его осколки, словно битое стекло. Со скрещёнными на груди руками, нахмуренными бровями и бледным лицом, она выглядит словно один из ангелов-мстителей Хранителя Света.

– Я думала, ты начнёшь, учитывая, как прекрасно ты попрощалась, – продолжает она. Повисает пауза, и губы её вытягиваются в тонкую линию, как будто она пытается сконцентрироваться. – Хотя погоди... забавно, но, поразмыслив, я не могу вспомнить, чтобы ты попрощалась.

Вопреки себе я улыбаюсь.

– Привет, Эсси, – я делаю шаг в её сторону. – Я скучала по тебе.

Это правда. Я действительно скучала по ней, даже если в Новом Лондоне думать о ней было всё равно что слишком сильно вглядываться в собственную тень. Даже самые невинные воспоминания отсылали меня к темнейшим сторонам меня самой – моменту, когда я её покинула, – так что в конечном итоге я перестала. Однако, как и моя тень, Эсси по-прежнему шлейфом тянулась за мной, куда бы я ни пошла. Раз в несколько дней я подмечала её искаженный силуэт на стене во время какой-нибудь вечеринки – вспышку испепеляющего взгляда, кривую усмешку. Слышала обрывки её смеха.

Взяв Эсси под руку, я веду её ко входу в Норланд; мой голос опускается до шёпота, чтобы слуги не услышали.

– Мне нужно кое-что тебе поведать, – тихо говорю я. – По дороге в особняк произошёл... инцидент, – я замолкаю, поскольку следующие слова слипаются у меня в горле. – Эмм-м... прорыв в границе. Моя карета заехала прямо во мглу.

«...бросается вперёд, словно кошка, обволакивает возницу...»

Я сглатываю.

– Возница убит, Эсси. Там был Фантом – он бы и меня достал, если бы один из твоих караульных не выстрелил прежде, чем монстр успел. Он сказал, его зовут Киллиан Брэндон, – тот мужчина, что сопровождал меня.

Эсси напрягается.

– Вот дерьмо, – шипит она.

Я резко поворачиваю голову в её сторону, должно быть, я не так расслышала – моя сестра, отличный дипломат, идеальная леди, ни за что бы не ругнулась. Но крепкое словцо снова слетает с её губ.

– Дерьмо. Уже три в этом месяце. Я думала, что дополнительные силы... – она умолкает и сжимает пальцами переносицу. Глаза блестят как у пациента с лихорадкой, в зрачках пылает отчаяние. Не знаю, чего я ждала – ужаса? симпатии? – но такая реакция, сам факт, что она в курсе, заставляет что-то внутри свернуться.

Слова Киллиана навязчивой литанией всплывают в голове. «Возможно, были и другие инциденты... она запретила нам обсуждать эту тему».

– Эсси, что здесь творилось с момента моего отъезда в Новый Лондон? Караульный сказал...

Она обрывает меня на полуслове, под её взглядом крохи моей решимости рассыпаются прахом.

– Не тут. Они ждут нас внутри: лакей сообщил нам о приближении твоей кареты. Я здесь, чтобы отвести тебя.

Почтение в её голосе заставляет меня задуматься. Гордость Эсси сопровождала меня с самого детства, а потому мне прекрасно известно, что Эстелла Дарлинг преклонит колена лишь перед немногими, и ни с одним из них я бы не хотела встретиться.

– *Они?* – медленно повторяю я. – Кто эти *они*?

Эсси открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент из главных дверей Норланда вылетает мужчина в чёрном. Я тут же его узнаю. Он протягивает ко мне свои длинные руки, на лице играет широкая беззаботная улыбка, какой улыбаются опытные хозяева, будто это мы его гости, а не наоборот.

При виде него ледяная вода устремляется по моим венам.

– Вот и она, собственной персоной, – он налетает на меня. – Милая Мэррик наконец-то вернулась домой.

Глава 3

Последний раз я видела Красного Герцога Сассекса, Томаса Дарлинга, в день его свадьбы, и тогда моя семья ещё была целой.

Я хорошо помню ту историю. За прошедшее время картинки того дня приобрели чересчур насыщенные оттенки в памяти – так краснеет яблоко перед тем, как начинает гнить. Церемония прошла прошлым летом, сразу после солнцестояния, одним долгим жёлтым вечером, который, казалось, никогда не кончится. Часы лениво расплзались вокруг, как лепестки лютиков. Казалось, все люди Дыма собрались в Норланде по сему случаю, даже бальные залы Нового Лондона закрылись в предвкушении лучшей вечеринки сезона – брачного союза Дарлингов и Фолков, двух самых могущественных Мэноров нации. Было вино и танцы, люди праздновали великую любовь пары, их головокружительный роман – всё необходимое для создания волшебной сказки. Однако за украшениями и декорациями по залу ходили пересуды. Мол, бывшая фаворитка общества Крессида Фолк, внучка Мэнор-Лорда Элоди Фолк и застенчивая невеста моего кузена, стареет, что ей уже почти тридцать и она только сейчас обзаводится мужем, а детей у неё нет. Шептались о том, что она водила интрижку с женатым Румяным из дома Баллантайн, который был гораздо ниже её по статусу; и о том,

что её семья желает получить больший доступ к лесным угодьям Сассекса, а выгодное замужество поможет им восстановить репутацию, подпорченную интрижкой.

Конечно же, напрямую об этом не говорилось – по крайней мере, не в моём присутствии. Но в тот день я видела, как под тонкой тканью платья Крессида напряглась, идя к алтарю, словно она шествовала в клетку и услышала, как за ней только что захлопнулась дверь.

Гравий вгрызается в тонкие подошвы моих туфель, пока я стою и смотрю, как Том приближается. Аккуратно уложенные каштановые волосы и тёплые коричнево-чёрные глаза делают его куда более похожим на моего Отца, чем я, хотя мои черты всё же ближе к семейным, нежели иссиня-чёрные локоны Эсси, чей цвет считается плохим предзнаменованием. Однако если мой Отец выглядел устрашающе даже в ночной рубашке, деньги жены и относительная безопасность Норрина, где Том и Крессида поселились после свадьбы, сделали моего кузена мягче. Я оглядываю его выглаженный угольного цвета пиджак и отполированные ботинки – и то и другое смотрится куда лучше, чем потёртые мешковатые наряды, которые он носил до свадьбы, – и на мгновение задумываюсь, предупредил ли кто Крессида, что ей стоит потуже затягивать шнурок на кошелье с деньгами и не выпускать его из рук.

Во благо их обоих, я надеюсь, что да. Хотя я не провела и минуты с ним, Том мне кажется куда счастливее, чем до

моего отъезда в Новый Лондон – он радуется и смеётся как мальчишка из моего детства. По мере взросления тот паренёк выцветал, как стареющая картина – его беззаботный фасад осыпался кусочек за кусочком, пока не остались лишь блёклые и хрупкие, словно скорлупа, частицы. После последней встречи с Отцом мне казалось, что тот мальчишка ушёл насовсем.

Но вот он стоит передо мной – воскресший и целый!
Здесь.

«Как ему удалось приехать раньше меня?» Норрин находится по меньшей мере в двух днях езды от Сассекса. Даже если Том получил весть о смерти Отца одновременно со мной, он всё ещё должен быть в дороге.

Словно почуяв мой скептицизм, Том обходит Эсси и заключает меня в крепкие объятия, двигается он абсолютно нескованно, как человек, которому за всю жизнь ни разу не приходилось самостоятельно принимать решения.

– Как восхитительно снова тебя увидеть, – говорит он. Несмотря на мрачные обстоятельства нашего воссоединения, его слова звучат почти как правда.

На какой-то момент я растворяюсь в его объятиях, после чего аккуратно высвобождаюсь.

– И тебя, – отвечаю я. – Хотя должна признать, я не ожидала, что мы встретимся так скоро.

Том смеётся.

– О, Кресс и я прибыли вчера вечером, – говорит он ра-

достно. – Повезло, что твоя сестра написала нам вовремя: мы уже направлялись в Сассекс, когда получили весть о смерти Силаса. В противном случае она была бы тут совсем одна-одинёшенька – ни души, чтобы составить компанию.

Он хлопает Эсси по плечу.

– Очень вовремя, да?

Я морщу нос – странный выбор слов, когда мы обсуждаем смерть моего Отца, – но вместо того, чтобы поправить себя, Том поворачивается к входным дверям.

– Идёмте, – понукает он и жестом зовёт вперёд. – Кресс ждёт вас в столовой. Она решила, что горячий ужин не помешает после долгого путешествия, вот такая она у меня заботливая.

«Кресс». Услышав её прозвище во второй раз, я стискиваю зубы. Это уменьшительно-ласкательное имя слишком мягкое для столь внушительной женщины, и пускай Новый Лондон считал, что она уже отцвела, Крессида Фолк-Дарлинг – особа исключительно грозная. Вот почему меня так удивило, когда объявили о её помолвке с моим кузеном. В течение долгого времени считалось, что Крессида станет Вмestилищем своей бабушки, по крайней мере до тех пор, пока скандал не поставил всё под угрозу. Величайшим же достижением Тома до свадьбы была способность проехать верхом, осушив залпом бутылку вина. Будучи единственным ребёнком, он провёл молодость за игорным столом, проматывая состояние своего покойного Отца – моего дядюшки – в Но-

вом Лондоне, и изредка заглядывал в Хаус за тем, чтобы мой Отец вытащил его из очередной финансовой заварушки.

Я ненадолго ныряю в воспоминание: Том и Отец во время последнего визита Тома в Норланд за несколько месяцев до их помолвки с Крессидой. Из-за бури казалось, будто на поместье опустилась ночь, предзакатные розовые тени приобрели фиолетовый оттенок. Я шла мимо кабинета Отца, когда моё внимание привлёк гул тихих голосов – слов было не разобрать, но интонации были возбуждёнными. Ведомая любопытством, я шагнула к дверям, оглядываясь по сторонам на случай, если Эсси была поблизости, чтобы сделать мне выговор за то, что я подслушиваю.

И тут дверь в кабинет с треском распахнулась. На пороге стоял Том, прямо-таки злодей, соскочивший со страниц готического романа, которые я прятала под матрасом и читала втихаря. Каштановые кудри были растрёпаны, но не щеголевато и игриво, как он любил, – они торчали в разные стороны, словно он пытался вырвать пряди. Позади него я увидела, что из-за письменного стола встал Отец и попытался протестовать, но Том захлопнул дверь посреди фразы.

– Том, – заикнулась я. – Что...

Кузен перебил меня.

– Он думает, я склонюсь перед ним, – прошипел он, выражение его лица было одновременно перекошено от ярости и ничего не выражало. В результате я смотрела на него и не понимала, обращался ли он ко мне или... или мыслями он

был где-то далеко, в месте, полном демонов. — А вот и нет. Я этого *не* сделаю. Пока он выставляет свою жену-простолюдинку на всеобщее обозрение и пытается продать меня — меня, свою кровь — с аукциона, как какую-то там овцу на убой, — он рыкнул с таким злобным отчаянием, что у меня волосы на руках встали дыбом. — Будь мой отец здесь...

Он внезапно развернулся, когда *мой* собственный Отец ворвался в коридор, отогнал меня прочь и зашептал что-то Тому так, что я не могла расслышать. Я прекрасно знала, что не стоит и пытаться расспросить Отца о том, что они обсуждали с Томом и что так расстроило моего двоюродного брата, однако когда я в следующий раз увидела Тома, волосы его были привычно зачёсаны назад и аккуратно уложены, он стоял в конце прохода и ухмылялся своей будущей жене, шедшей ему навстречу.

Тогда оказалось совсем несложно догадаться о правде, скрывавшейся за свадебными клятвами: брак моего кузена, скорее всего, устроили в какой-нибудь пыльной гостиной и подкрепили рукопожатием прежде, чем дело дошло до поцелуев. А безоговорочная поддержка моего Отца по отношению к племяннику на деле оказалась не страховкой, на какую рассчитывал Том, а паутиной из невидимых нитей, призванной его поймать.

По крайней мере, в последнем я могла бы ему посочувствовать.

Путь от подъездной дорожки до столовой я едва замечая.

Внутри особняка прохладно и влажно, коридоры представляют собой собрание деревянных панелей и вечернего мрака. Как и в случае большинства Мэноров в Дыме, владельцы-аристократы Норланда оставили поместье с пришествием мглы; позже, придя к власти, мои предки забрали особняк себе и переделали под собственные цели. Дарлинги вот уже два столетия живут в особняке, но порой, когда свет в коридоре падает особым образом, я могу поспорить, что вижу тени его прошлых обитателей, зависших в воздухе, как горстка пыли. Порой я испытываю странное чувство, будто кто-то вторгается – так бывает, когда живёшь в древнем месте и исследуешь закоулки, отстроенные не твоими руками. Дом для меня загадка, которую я так никогда полностью и не разгадала.

Стоит мне ступить за порог столовой, как перемена атмосферы выдёргивает меня из размышлений, словно всё вокруг меня внезапно притянул новый центр гравитации. А точнее, женщина, что чинно сидит во главе стола с чашкой чая в руке, изящная и мрачная в траурном платье, словно кошка, поджидающая добычу.

Не хочется признавать, но Крессида Фолк-Дарлинг носит смерть с апломбом. Чёрное платье льнёт к её плечам, низким вырезом обрамляет грудь и волнами полуночного сатина струится от талии. Густая копна коричневых волос изящно уложена на макушке, её кожа лучится, словно капли росы в угасающем вечернем свете. На запястьях повязаны две

красны ленты – новое модное веяние среди Мэнор-рождённых леди. Даже элите известно, что здесь твой статус определяется кровью.

Сердце сбивается с ритма, пока я смотрю на неё. Стул, на котором она восседает, принадлежит ...жал моей маме всю её жизнь. С её кончины никто – даже моя сестра – не садился на него; хотя мы не поднимали эту тему, полагаю, мы все чувствовали, что занять её место будет святотатством, сродни тому, чтобы надеть одно из маминых платьев или воспользоваться её румянами. Глядя на Крессида, сидящую на нём, я чувствую себя грязной, кожа нагревается и зудит, словно её покрыли скверной. Да как она *смеет*...

– А вот и ты, Мэррик. Эстелла сказала, что ты скоро будешь, – свойственница окидывает меня быстрым взглядом карих глаз, прежде чем те останавливаются на моём лице. Она смотрит на меня так пристально, словно бросает вызов – выдержишь или отведёшь взор, а может, сперва одно, потом другое. – Ты приехала из Нового Лондона, не так ли? – спрашивает она. – Я вот только что дочитала последний выпуск «Тост». Похоже, сезон прошёл для тебя успешно, – она ухмыляется. – Мне жаль, что пришлось прервать твои... усилия... в связи со столь скорбными обстоятельствами.

Рядом со мной сестра теребит платье, уставившись в пол, что совершенно мне не помогает. Её учтивость вызывает во мне волну возмущения. Почему она не остановила Крессида, отчего с такой лёгкостью отказалась от родительского на-

следия? Хочется накричать на неё, потребовать, чтобы она перестала стоять там безвольной тряпичной куклой и начала *действовать*. Более того, я хочу потребовать объяснений – с чего она вообще пригласила нашего кузена с женой в Норланд, когда меня она вызвала только потому, что не стало отца.

Вместо этого я откашливаюсь.

– Полагаю, траур по отцу очень даже весомая причина, чтобы прерваться. Хотя, боюсь, путешествие сюда не прошло гладко. На границе вдоль побережья случился прорыв. Серые Земли поглотили мою карету, – я делаю паузу для драматического эффекта. – Я бы умерла, если бы один из наших караульных не проезжал мимо.

С мелодрамой я чуть перегнула палку, но в результате получила желаемую реакцию. В ответ на мои слова Крессида мрачнеет и хмурится.

– О боже, – сдержанно шепчет она. – Какой ужас. Пожалуйста, присаживайся, поешь – тебе наверняка нужно восстановить силы после такого испытания.

Рассеянно она машет рукой куда-то в конец залы. Я вздрагиваю, когда три служанки – серьёзные и едва заметные в своей блёклой серой форме – отлипают от стены по её команде и спешат к нам, чтобы отодвинуть стулья. Обслуживающая меня девушка с одутловатым лицом мне совершенно незнакома, выполняя свои обязанности, она смотрит в пол.

По шее пробегает дрожь, когда я сажусь. Мне не по себе.

С каких это пор наши служанки выполняют приказы моей свойственницы? Краем глаза я подмечаю, как Эсси садится в кресло и чинно складывает руки на коленях, как послушный ребёнок, ожидающий проверки матери. В желудке всё переворачивается.

– Чашку чая для Перводочери, Делайла, – раздаёт инструкции Крессиды, явно не замечая моего дискомфорта. – Может, супу?

Взволнованно кивнув головой, служанка позади меня поднимает с центра стола тяжёлый чайник, на котором изображены парные лисьи хвосты, и наполняет мою чашку. Капелька кипятка срывается через край, пока она наливает, и падает мне на запястье. От внезапной боли я шиплю и тем самым ещё больше пугаю служанку, так, что половина напитка выплёскивается из чашки и льётся на блюдо. Сам чай знакомого розовато-красного оттенка, словно кто-то заварил розовые лепестки или разбавил кровь.

Я осторожно подвигаю к себе чашку, подношу к губам и делаю маленький глоток. В Мэнорах чай из верескоцвета ценится больше всего за свою редкость и высокую цену, а также необычный цвет, причиной которому служат алые листья, в честь которых растение и получило свое название. На вкус чай горький, терпкий и немного кислый, словно на язык мне выдавили сок свежего лимона, и пусть я пила этот чай с детства, его кислота прошибает меня сейчас. Отец обожал чай из верескоцвета и дразнил маму за её простонародный

вкус, когда она выбирала более сладкие сборы, например, из кустяники. «Ты теперь Мэнор-рождённая, любовь моя, – говаривал он. – И пить ты должна как Мэнор-рождённая».

Проглотить чай стоит усилий.

Как только мы все устроились, Крессида прогоняет слуганок обратно на их посты и поворачивается к нам. То, как она взглядом окидывает комнату, напоминает мне мою старую гувернантку – та всегда искала, к чему бы прицепиться, будь то нервный жест или что-то, что выдаст твою неготовность к уроку.

Я совсем не удивляюсь, когда внимание Крессиды останавливается на мне.

– Ты в порядке, Мэррик? – спрашивает она, а пальцы те-ребят салфетку. – Выглядишь бледной – ты не пострадала во время атаки?

Я собираюсь с духом, расправляю плечи.

– Совсем нет, – отвечаю поспешно. – Я в полном порядке, – медлю, затем, учуяв возможность, выпаливаю: – Просто прорыв меня несколько встревожил. Караульный, пришедший мне на помощь, намекал, что то был не первый случай за последние месяцы. А он – Тюдор по рождению и служит караульным у *тебя*, – я поворачиваюсь к Эсси и с укором смотрю на сестру. – Не потрудишься объяснить?

Отвечает мне Крессида, стук её ногтей об изящную ручку чашки притягивает моё внимание.

– Вдоль сассекской границы действительно случались ин-

циденты в последнее время.

Я подаюсь вперёд, готовая выпалить очередной вопрос, но она выставляет перед собой руку.

– Пожалуйста, позволь мне закончить. Те инциденты, о которых ты говоришь, и послужили поводом для нашего с Томом приезда изначально. К счастью, большинство случаев произошло в ненаселённых районах, благодаря чему нам удалось держать простых людей в неведении, хотя в ряде деревень начинают ползти слухи. Что же касается караульных из других домов, – она кивает в сторону Эсси, – я аплодирую твоей сестре за её решение. Несомненно, последние события доказали, что войска Дарлингов не справляются в одиночку с охраной границы, даже если не учитывать недавние превращения. Нам кажется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.